

Труд - 7 ноября 1934

ОФИЦЕРЫ из России газеты получали, но нам ничего не рассказывали: все равно, мол, рядовой, баранья башка, речь министрову не поймет.

Письма с родины доходили на фронт редко. Читались письма принародно, как манифесты. Семейные обстоятельства наши были одинаковы. Доводили нас родные до сведения о своей невеселой житухе. Мы на фронте страдаем, они в тылу страдают. Наслушаешься этих писем, злоба в тебе по всем жилам течет, а на кого лютовать, и не придумаешь толком. Еще пуше разберет тебя охота, как бы поскорее домой воротиться, хозяйство и семью посмотреть.

Так и жили, томилась, ждали какого-то приказа о всеобщей демобилизации, на занятия не выходили, работой себя не дожимали, в карты играть надоело, а курить было нечего.

Провелага братва, будто в гореде Трапезунде на митингах насчет отпуски до точности раз'ясняют. Полковой комитет вызывает охотников. Выблкнулись мы трое — Остап Духа, шуметчи Сабаров да я—и пошли в Трапезунду на разведку.

Время мокрое, грязь по нижнюю губу, сто верст с гаком перди мы без одыху — на митинг боялись опоздать. Напрасны были опасенья, митингов не переглядеть, не переслушать: и на фарах, и в духанах, и на каждом углу по митингу.

На митинге нам открылась секретная картина:

— Бей буржуев, долой войну!

Справедливые слова!

Меня аж затрясло от злости, а по набрякшему сердцу ровно ржавым ножом порснуло.

— Нечего, — говорю, — ребята, время зря терять: сколько ни слушай, лучшего не услышишь. Всем свобода, всем дано вольным духом дышать, а ты, сераа шкура, силя в гнилых окопах да зубами шелкай. Снимемся всем пелком и — прощай, Макар, ноги озабли.

Товарищи меня держат:

— Постой, Максим, погоди.

— Треба нам, как добрым людям, почайничать и перекусить малость.

— Будь по-вашему, говорю.

Заходим в духан, солдат полно.

Кто кушает чай, кто—чобуреки, а кто — и хлебец по старой привычке убивает. Есть деньги — платят, а нет — покушает, утрется и пойдет. Известно, служба солдатская не из легких, а жалованье копачье. В конце семнадцатого года стали семь с полтиной получать, а бывало огребет служивый за месяц три четвертака — не знай ваксы купить, не знай табачку, последняя рубашка с плеча ползет, воншь на тебе верхом сидит, шильце-мыльце нужно. Тула-суда и пляшет защитник веры, царя и отечества, как карась на горячей сковороде. Карман не позволяет солдату быть благородным.

Разговоры кругом, от разговоров уха вянет.

— Бакая в России власть?

— Нету в России власти.

— Дума? Наше временное правительство?

— Всех наших правителей оном и в розницу полкунула буржуазия.

— А Беренский?

— Так его ж никто не слушает.

Большевиков ругают, продали родину немцам за вагон золота. Бобеля Гришку Распутина кроют, как он, стервец, не заступился за солдата. Государя императора восьмьряют, только пух из него летит.

Один подвыпивший офицеришка шумит:

— Бить их всех под ряд — и большевиков, и меньшевиков, и буржуазию золотобрюхую! Солдат страдал, солдат умирал, солдаты должны забрать всю власть до последней копейки, разделить промежду себя поровну! — горячо говорил курвин сын, а, насосавшись чаю, шапку в серебре у терского казака слизнул, скрылся.

— Рася без власти — сирота.

— Не горюй, землячок, были бы бока, а палка найдется...

— Дивно.

— Самое дивное еще впереди.

— Где же та голова, что главнее всех голов?

— Всякая голова сама себе главная.

— А учредительное собрание?

— Крест на учредилку! — смеется из-под черной папахи сибирский стрелок. Выбирает он из обидлага бумагу и подает нам. — Теперь мы сами с усами, звыи се душу. Читай, землячки, читай вслух, а весь тут со всеми патронами—сибирского полка, каторжного батальона, обуховой команды...

Бумагу — мандат — выдал ему ротный комитет, казовой ротный комитет в боевом порядке направо и налево предписывал: во-первых, революционного солдата Ивана Савостьянова с туреньского фронта до места родины, Иркутской губернии, перевезти за счет республики самым экстренным поездом; во-вторых, на всех промежуточных станциях этапным коммандантам приказывалось снабжать означенного Ивана всеми видами приварочного и чайного довольствия; в-третьих, как он есть злой охотник, разрешалось ему провезти на родину пять пудов боевых патронов и винтовку; в-четвертых, в-пятых и в-десятых — кругом ему льготы, кругом выгоды.

Мандат—во! — полдня читать надо.

— Где взял? — стали мы его допытывать.

— Где взял, там нет.

— Все-таки?

— Угаляйте.

Нам завидно, навалились на сибиряка целой оравой и давай его тормошить: скажи да скажи.

— За трешницу, у ротного писаря купил.

— Ну-у-у?

— Святая икона, — сказал он и засмеялся... Да как, сукни сын, засмеялся... У нас ровно копилки вот тут заскребли.

Выпалет же человеку счастье...

Спрятал Иван Савостьянов мандат в рукав, мешок с патронами на плечи взвалил, гордо так посмотрел на нас и пошел на самый экстренный поезд.